

В первый день Нового года вся семья поднялась с самого утра. Сегодня полагалось есть танъюани, и Лю Гуюй, умывшись, рано замесил тесто; вся семья уселась вокруг маленького стола и принялась лепить танъюани.

Начинка была из кунжута и красного сахара. Сладкую смесь Цинь Жунши с самого утра толоч в ступке, растерев её очень мелко. Лю Гуюй и Цуй Ланьфан часто готовили, руки у обоих были ловкие, и танъюани у них выходили снежно-белые, круглые, пухлые и не слишком большие. Цинь Баньбань тоже не отставала: движения у неё были медленнее, но слепленные ею шарики всё равно получались очень красивыми.

Зато Цинь Жунши здесь выглядел немного неуклюжим. Обычно, когда готовили, он отвечал за поддержание огня и редко сам возился с едой. Даже если и помогал, то чаще был на подхвате или делал что-нибудь простое, а вот танъюани лепил редко. Стоило посмотреть на один слепленный им танъюань: он весь бугрился, начинка вылезала наружу, здесь прорвалась дырка, там снова просыпалось, да и размер был огромный - почти с детский кулак.

Цинь Жунши смутился и стал стараться ещё сильнее, но чем больше старался, тем больше ошибался, и начинка вытекала ещё сильнее.

Лю Гуюй расхохотался и поддел его:

— Эрлан! У тебя где прорвалось, ты туда сразу кусок теста прилепляешь! Больше не добавляй, а то он станет больше твоего кулака!

Цуй Ланьфан тоже стало смешно. Её второй сын всегда был надёжным: всё умел, всё понимал, был разумнее и взрослее ровесников, так что увидеть, как он с чем-то мучается, и правда было редкостью.

Цинь Баньбань неловко было смеяться над вторым братом, но сцена перед глазами была слишком забавной, и она всё же не удержалась: уголки губ изогнулись.

Цинь Жунши сердито взглянул на Лю Гуюя, который смеялся громче всех, и, покраснев, сказал:

— Я сам слепил, сам и съем!

Лю Гуюй засмеялся ещё сильнее, ничуть не боясь ранить чистую душу юноши, и добавил:

— Тогда тебе трёх штук хватит! Такие огромные танъюани, больше ты не съешь!

Цинь Жунши:

— ...

Язык у Лю Гуюя был острый, Цинь Жунши не мог его переговорить, и в конце концов мог только злиться, покраснев до ушей. Уж неизвестно, от стыда или от досады.

— Ладно-ладно, в Новый год ссориться не годится, — Цуй Ланьфан поспешно вышла сгладить обстановку, затем поджала губы в сторону Цинь Жунши и сказала: — Эрлан, ты сначала иди воду вскипяти. Как только таньюани долепим, сразу в котёл опустим.

Раз ему протянули ступеньку, Цинь Жунши тут же по ней сошёл: развернулся, нырнул к очагу и снова взял в руки великую власть над огнём.

Когда вода закипела, слепленные таньюани опустили в бурлящий кипяток и сварили до готовности.

— Эй, в этом году таньюани красные!

Цинь Баньбань ухватила за край плиты и заглянула в котёл. Она обнаружила, что прежде белая чистая оболочка таньюаней после варки неожиданно просвечивала лёгким красноватым оттенком.

Цуй Ланьфан, увидев это, тоже обрадовалась и с восторгом сказала:

— Слышала, красные таньюани редко попадают, съешь - будет счастье! Видно, в этом году наша семья заживёт хорошими днями!

Услышав это, Цинь Баньбань тоже захлопала в ладоши и радостно засмеялась, очень воодушевлённая. А по мнению Лю Гуюя, это, скорее всего, была какая-то обычная химическая реакция, но вся семья так радовалась, что он, конечно, не стал портить настроение лишними словами.

Новый год - к удаче; пусть будет добрым знаком.

Лю Гуюй большим половником раскладывал таньюани по чашкам. Хотя Цинь Жунши и сказал, что сам будет есть свои уродливые таньюани, Лю Гуюй всё равно положил по одному в каждую чашку.

Он только что налил чашку для Цуй Ланьфан, повернул голову и увидел «подозрительно крадущегося» Цинь Жунши. Цинь Жунши, который «не любил сладкое», как раз тайком добавлял в свою чашку смертельное количество сахара. Заметив, что Лю Гуюй его увидел, он поспешно отвернулся, сделал вид, будто ничего не произошло, и спокойно унёс чашку с супом.

Лю Гуюй больше не стал с ним препираться, только тихонько улыбнулся. Он ведь и правда обожал сладкое!

В самих таньюанях уже была начинка из коричневого сахара, и они были достаточно сладкими, а Цинь Жунши всё равно ещё подсыпал сахар. Лю Гуюй дважды усмехнулся, но разоблачать его не стал.

После еды они взяли подарки и пошли к соседке Линь Синь-нян поздравить с Новым годом. Сегодня было немного холодно. Ночью на горе выпал снег, и утром они увидели, что высокие зелёные хребты обведены белой каймой; только когда взошло солнце, она постепенно растаяла.

Северный ветер пронизывал до костей, с воем проносился мимо и приносил с горы дрожащую стужу. Семья Линь Синь-нян грелась у костра во дворе. Неизвестно, откуда они притащили старый древесный корень, но горел он ярко, пламя взлетало высоко.

— Ай-я! Вы пришли! Скорее, скорее, заходите, садитесь! Цинчжу, сходи в дом, набери семечек и арахиса, ещё принеси свёрток кедровых конфет.

Она вытащила из-под навеса две скамейки, поставила их у костра, пригласила гостей садиться, а сама снова поднялась и пошла в дом наливать воду. В кухне в печи грелась вода. Линь Синь-нян отрезала ещё два кусочка коричневого сахара и растворила их, затем вышла, держа в одной руке чашу, а в другой - большой медный чайник, и каждому налила по чаше сладкой воды.

— Ну-ну, выпейте воды, живот согрейте. Такая холодина, а вы всё равно пришли!

Цуй Ланьфан передала принесённые вещи и с улыбкой сказала:

— Да мы же через порог, совсем рядом, пройтись совсем не трудно! К тому же Новый год, дома скучно, лучше уж прийти к вам повеселиться!

Цинь Баньбань тоже поджала губы и сладко произнесла:

— Тётушка, сестра Майэр, с Новым годом!

Семьи были близки, и подарок, конечно, был не лёгким: копчёная рыба, мясные полоски, сушёные фрукты и цукаты, приготовленные самим Лю Гуюем, ещё две баночки фруктового джема - целая корзина, полная доверху.

Линь Синь-нян тоже приготовила ответный подарок, но доставать его не спешила, только звала гостей садиться и как следует поболтать у костра. Ло Цинчжу скоро вышел, держа в руках бамбуковое сито, где лежали семечки и сладости. Все уселись вокруг огня, щёлкали семечки и

разговаривали. Баньбань и Майэр сели отдельно в сторонке. Две девочки склонили головы друг к другу и что-то тараторили, будто у них было бесконечно много слов. Потом Майэр снова вернулась в дом и принесла в корзинке для рукоделия немного светлых лоскутков, и они стали делать чуньшэн*.

(ПП: это традиционное весеннее украшение, которое в старом Китае делали из ткани, бумаги или шёлка. Его носили в волосах или прикрепляли к одежде в праздник Начала весны)

Наигравшись в эту игру, они взялись за руки и полезли к собачьей будке, по очереди вытаскивали щенков А-Хуан и тискали их. А-Хуан и Дахэй совершенно не вмешивались: на всей их собачьей морде было написано: «Раз уж тискаете их, нас тискать нельзя».

Этих двух собак тискали с щенячества до взрослого возраста, и Майэр давно уже затискала их до страха. Теперь они только чувствовали: родить детей и правда полезно, можно выставить их вперёд вместо себя.

— Это твоя собачка. Когда погода ещё немного потеплеет, сможешь забрать её домой.

Ло Майэр бросила чёрно-жёлтого щенка в объятия Цинь Баньбань и стала учить её, как правильно гладить собаку: от головы до самого основания хвоста, так что щенки хныкали и поскуливали без остановки. А что до собачьих папы и мамы... они зарылись головами в лапы и притворялись мёртвыми.

Две девочки тоже не боялись холода и, сжавшись в собачьей будке, шептались.

Ло Майэр спросила:

— Баньбань, вы уже дали щенку имя?

Цинь Баньбань отчаянно закивала.

— Дали! Брат Лю сказал назвать его «Лайцай». Собака приносит богатство, и если дать ей такое имя, в этом году он сможет разбогатеть!

Ло Майэр тоже принялась изо всех сил кивать и сказала:

— Хорошее имя! Хорошее имя!

Похвалив, она снова вздохнула и сокрушённо протянула:

— Неудивительно, что наша семья не разбогатела. Оказывается, это Дахэю и А-Хуан плохо

имена дали.

Дахэй и А-Хуан:

— ???

— Баньбань, Майэр, вам, двум девчонкам, не холодно? Скорее идите греться у огня! Вот, бататы, что в углях пеклись, уже готовы. Будете есть? - крикнула им Линь Синь-нян.

— Будем! — отозвалась Ло Майэр.

Майэр запихнула щенка обратно под брюхо большой собаки, потом потянула Баньбань за руку и снова побежала назад. Там она протянула руку, чтобы схватить батат, который Линь Синь-нян уже вытащила из костра.

Но ещё не успела коснуться, как Линь Синь-нян шлёпнула её по тыльной стороне руки.

— Иди руки мой! Вся рука в собачьей шерсти!

Ло Майэр показала матери язык и состроила рожицу, потом снова потянула Цинь Баньбань в дом мыть руки.

Линь Синь-нян совершенно ничего не могла с ней поделать и только крикнула в сторону кухни:

— Холодно, черпай горячую воду! В котле есть кипятки!

— Знаю! — ответила Ло Майэр.

Линь Синь-нян беспомощно покачала головой, а после снова сказала Цуй Ланьфан:

— Избаловала эту девчонку, носится как сумасшедшая, совсем на девочку не похожа! Вот посмотри на вашу Баньбань: тихая, спокойная, такая послушная и милая с виду!

Слова у неё были такие, но в глазах сплошная улыбка; где там было хоть капля неприязни - одна лишь любовь.

Цуй Ланьфан тоже покачала головой и с улыбкой сказала:

— Быть как Майэр - вот так и хорошо! Такую нелегко обидеть! Наша Баньбань просто слишком мало говорит, да и говорит тихим голосом, я всё переживаю, как бы она потом не терпела

обиды. А как Майэр обидят - даст сдачи, не сможет справиться - закричит! Не станет держать всё в себе!

Сказано было не прямо, но, если прислушаться, можно было понять: Цуй Ланьфан тревожилась, что, когда Цинь Баньбань вырастет и выйдет замуж, в семье мужа её будут обижать и заставлять терпеть.

Услышав эти слова, Линь Синь-нян в душе вздохнула и невольно повернула голову к Ло Цинчжу. Её гэр как раз был воспитан слишком добрым, беззлобным, без характера - потому Ци Шань и осмелился так над ним издеваться!

Подумав об этом, Линь Синь-нян тоже кивнула, почувствовав, что в этих словах и правда много смысла. Она снова улыбнулась:

— Сестра Ланьфан, а нрав у тебя и правда сильно изменился. Раньше ты такой не была.

Разве прежде Цуй Ланьфан не была как раз такой, что всё держала в сердце, всё терпела и уступала?

Услышав поддразнивание Линь Синь-нян, Цуй Ланьфан даже на мгновение растерялась и лишь с запозданием поняла: это и правда уже не тот способ вести дела, что был у неё прежде. Когда же она изменилась?

Она невольно посмотрела на Лю Гуюя. Лю Гуюй жарил мандарины, а Цинь Жунши сидел рядом и смотрел, как он их жарит.

Цинь Жунши нахмурился:

— Это правда можно есть?

Лю Гуюй был полон уверенности:

— Можно! Ты что, моему мастерству не веришь?

Брови Цинь Жунши нахмурились ещё сильнее, и он сказал:

— ...Но он сгорел.

Лю Гуюй попытался объяснить:

— Э-э... снаружи сгорел! Внутри точно ещё хороший!

Цинь Жунши будто бы поверил, кивнул и сказал:

— Ладно.

Лю Гуюй подтолкнул один уже поджаренный мандарин к ноге Цинь Жунши, возбуждённо распахнул глаза и радостно сказал:

— Попробуй!

«Поверивший» Цинь Жунши решительно отказался:

— Не хочу пробовать.

— Хочешь, — сказал Лю Гуюй.

Цинь Жунши:

— ...

Цинь Жунши не смог его переспорить, разломил один поджаренный мандарин и попробовал кусочек, после чего всё его лицо сморщилось в комок.

— ...Горький.

Сказав это, он поднял голову и посмотрел на Лю Гуюя, но увидел, что тот, похоже, уже полностью отказался от своих жареных мандаринов и теперь чистит сладкий мягкий печёный батат, ест так, что глаза у него прищурились, словно у довольного кота.

Цинь Жунши:

— ...

Он стиснул зубы и выбросил чёрный, сгоревший мандарин. Чтобы он ещё раз ему поверил - да ни за что!

...

— Тётушка.

Во дворе было шумно и весело, и вдруг снаружи донёлся чей-то голос. Все повернули головы на звук и увидели, что за пределами двора стоит Сун Цинфэн.

В руке он держал целую копчёную свиную ногу - очевидно, пришёл поздравить с Новым годом.

Только подарок этот был слишком весомым.

К тому же именно этот мужчина спас её гэра. Как ни посмотри, спасителю жизни не полагалось самому приходить с подарками!

Линь Синь-нян на какое-то время растерялась и даже забыла подняться встретить гостя. В конце концов первым встал Ло Цинчжу и вышел навстречу.

Они вдвоём стояли у ворот лицом к лицу. Сун Цинфэн смотрел на гэра перед собой и невольно снова начал нервничать, даже речь у него стала сбивчивой.

— Чжу-гэр, тётушка, с... с Новым годом. Я-я... я пришёл поздравить.

<http://bllate.org/book/17177/1704458>